

Глава II. Причины и следствия большевистской концепции

Известно, что верх одержала политическая, государственническая и централистская концепция.

Здесь возникает предварительный вопрос, на который необходимо ответить, прежде чем перейти к рассмотрению событий и других вопросов.

Каковы были основные причины победы большевизма над анархизмом в русской Революции? Как оценить эту победу?

Численное преимущество большевиков и плохая организация анархистов не служат достаточным объяснением неудачи последних: в ходе событий их число могло возрасти и организация улучшиться.

Насилие само по себе также не объясняет всего: если бы анархистские идеи вовремя завоевали широкие народные массы, без него можно было бы обойтись.

С другой стороны, мы увидим, что вину за поражение нельзя возлагать ни на либертарную идею, ни на действия анархистов: оно стало практически неизбежным следствием ряда факторов, не зависевших от их воли.

Попробуем же установить основные причины поражения анархистской идеи. Их немало. Перечислим их в порядке значимости и попытаемся дать им справедливую оценку.

1. Менталитет народных масс (и образованных слоев населения).

В России, как и повсюду в мире, государство и правительство представлялось народным массам элементом необходимым, естественным, возникшим в истории раз и навсегда. Люди даже не задавались вопросом, являются ли Государство, Правительство[1] «нормальными», полезными, приемлемыми институтами. Это просто не приходило им в голову. И если кто-нибудь задавал такой вопрос, то встречал непонимание — и на этом все заканчивалось.

(В ходе Революции народные массы интуитивно начинали постепенно вставать на анархистские позиции. Но им не хватало сознательности и знаний об анархизме. И времени для их осмысления.)

2. Этот государственный предрассудок, почти врожденный, сформированный тысячелетней историей и ставший «второй натурой», поддерживался *всей печатью*, включая издания социалистических партий — особенно в России, где анархистской литературы практически не было, за исключением нескольких нелегальных брошюр и листовок.

Не следует забывать, что передовая российская молодежь читала литературу, в которой социализм неизменно был представлен в свете *государственном*. Марксисты и антимарксисты спорили между собой, но и те, и другие видели в *государстве* *бесспорную основу всякого современного общества*.

Для российской молодежи социализм всегда был неотделим от государства. За редкими, индивидуальными исключениями, она практически не имела представления об анархической концепции вплоть до событий 1917 года. Во все времена не только печать, но и *просвещение в целом* носило государственный характер.

3. По вышеизложенным причинам уже с самого начала *Революции* социалистические партии, включая большевиков, располагали значительным числом активистов, готовых к действию.

Уже в то время умеренные социалистические партии были достаточно многочисленными, что послужило одной из причин успеха меньшевиков и правых эсеров.

Что касается большевиков, почти все они тогда находились за границей. Но быстро возвратились на родину и решительно взялись за дело.

По сравнению с социалистами и большевиками, которые с самого начала *Революции* выступали как массовые, организованные и сплоченные силы, *анархисты представляли собой лишь незначительную горстку активистов*.

(Дело было не только в их численности. Отвергая *политические* цели и средства, анархисты, следуя логике, не образовывали дисциплинированную политическую партию, стремившуюся захватить власть. Они организовывались в пропагандистские группы, занимавшиеся общественной деятельностью, а затем объединялись в ассоциации или федерации на основе добровольной дисциплины. Этот способ организации привел к тому, что временно они оказались слабее политических партий. Это, впрочем, ничуть их не обескураживало, ибо они работали ради того дня, когда широкие массы осознают — в силу вещей и не без помощи их разъяснительной и просветительской работы — жизненную правду анархической концепции.)

Помню, вернувшись из-за границы в Петроград в первых числах июля 1917 года, я был поражен огромным числом большевистских плакатов, извещавших о митингах и собраниях во всех уголках столицы и пригородов, в конференц-залах, на заводах и пр. Я не увидел ни одного анархистского плаката. Также мне стало известно, что партия большевиков издает ежедневные многотиражные газеты в столице, других городах и почти повсюду — на заводах, в хозяйственных службах, в армии — имеет массовые и влиятельные ячейки. И одновременно я с горьким разочарованием убедился в отсутствии в Петрограде

анархической газеты и пропаганды вообще. Разумеется, имелось несколько либертарных группок в зачаточном состоянии. Кроме того, в Кронштадте (см. кн. III, гл. 1) было несколько активных анархистов, чье влияние уже начинало ощущаться. Но этих «кадров» оказалось недостаточно для ведения **эффективной пропаганды, призванной не только проповедовать практически неизвестные идеи, но и противостоять мощной агитационной деятельности большевиков. На пятом месяце грандиозной революции в столице не был слышен голос анархистов! И это на фоне развязанной большевиками активности**[2]. Вот к какому выводу я пришел. Только в августе, с большим трудом маленькой анархо-синдикалистской группе, состоявшей в основном из товарищей, прибывших из-за рубежа, удалось начать издание **еженедельной газеты («Голос Труда»)** [3]. А что касается устной пропаганды, в Петрограде ее способны были вести лишь три или четыре товарища. **В Москве ситуация оказалась лучше, там уже выходила ежедневная либертарная газета «Анархия», издававшаяся относительно многочисленной Федерацией**[4]. **В провинции пропагандистские ресурсы анархистов были незначительны**[5].

Вызывает удивление, что, несмотря на столь неблагоприятную ситуацию и собственную малочисленность, анархисты позднее — и почти повсюду — сумели завоевать определенное влияние, вынудив большевиков вести против них вооруженную, временами весьма длительную борьбу. *Этот быстрый и спонтанный успех анархических идей очень показателен.* (Далее мы увидим, чем он объяснялся.)

Когда после моего возвращения в Россию товарищи поинтересовались моими первыми впечатлениями, я сказал им: «Наше отставание непоправимо. Как будто мы должны пешком догнать поезд большевиков, опередивший нас на 100 километров и едущий со скоростью 100 километров в час. Нам же предстоит не только догнать его, но и вскочить в него на полном ходу, выбить оттуда большевиков и, наконец, не только захватить поезд, но — что гораздо сложнее — предоставить его в распоряжение народных масс, помогая им двигать его вперед. Чтобы это удалось, необходимо чудо. Мы должны верить в него и делать все, чтобы оно произошло».

Добавлю, что «чудо» это за время Революции дважды было близко к осуществлению: первый раз в Кронштадте во время восстания в марте 1921 года; второй — на Украине, в момент подъема массового «махновского» движения.

Оба эти события, как мы уже говорили, замалчиваются или извращаются в работах некомпетентных или пристрастных авторов и остаются практически неизвестными широкой публике. Мы детально рассмотрим их в последней части нашей книги.

4. Некоторые события Революции (см. ниже) подтверждают, что, вопреки неблагоприятной ситуации и малочисленности анархистов, идея смогла бы проложить себе дорогу и даже восторжествовать там, где *российские трудящиеся массы в момент Революции имели давние, опытные, испытанные классовые организации, готовые осуществить эту идею на практике.* Однако на деле все обстояло иначе. Рабочие организации возникли лишь в ходе Революции. Конечно, численность их необычайно быстро возросла. Вскоре вся страна покрылась сетью

профсоюзов, заводских комитетов, Советов и пр. Но эти организации, возникли без первоначальной подготовки, не имели опыта работы, четкой идеологии, не проявляли самостоятельной инициативы. Они никогда не участвовали в идейной или какой-либо другой борьбе. Они не имели никакой исторической традиции, никаких знаний, не осознавали свою роль, задачу, подлинную миссию. Либертарные идеи были им неизвестны. В таких условиях эти организации с самого начала были вынуждены плестись в хвосте политических партий. (И как следствие — *не без участия большевиков* — им не хватило времени для того, чтобы слабые силы анархистов смогли в достаточной степени просветить их.)

Сами по себе либертарные группы могли служить лишь «передатчиками» идей. Чтобы провести эти идеи в жизнь, необходимы были «приемники»: рабочие организации, готовые «уловить» идеи-радиоволны и реализовать их. (Если такие организации существуют, анархисты соответствующих профессий вступают в них, оказывают им помощь советами, примером и т. д.) Но в России подобных «приемников» не было, возникшие в революции организации не могли *сразу же* выполнить эту задачу. Анархические идеи, энергично посылаемые несколькими «передатчиками» — впрочем, немногочисленными, — «терялись в пространстве», не «улавливались», то есть не приводили к практическим результатам, не имели эффективного резонанса. Чтобы в таких условиях анархическая идея смогла проложить себе дорогу и восторжествовать, понадобилось бы либо отсутствие большевизма (или большевиков, действующих как анархисты), либо чтобы Революция дала рабочим организациям время «уловить» идею и способность осуществить ее на практике, пока их не интегрировало большевистское государство. Последней возможности не представилось, большевики (преградив путь анархистам) захватили рабочие организации, прежде чем последние смогли ознакомиться с анархической идеей, воспротивиться диктату и повести Революцию по либертарному пути.

Отсутствие «приемников», то есть классовых организаций, *изначально* готовых принять и реализовать анархическую идею (а также отсутствие времени, необходимого на формирование таких организаций), явилось, по моему мнению, одной из основных причин поражения анархизма в русской Революции 1917 года.

5. К этому следует добавить другой фактор не меньшей значимости, несмотря на его субъективный характер. Он усугубил то, о чем говорилось выше, и *стал фатальным для Революции.*

Существовало простое средство в короткие сроки преодолеть отсталость народных масс, наверстать упущенное время, восполнить недостающее: предоставить полную свободу либертарной пропаганде и движению после падения правительства Керенского. Революция навсегда завоевала бы свободу слова, организации и деятельности.

Отсутствие классовой организации, широкомасштабной либертарной пропаганды и знаний об анархизме до Революции объясняло, почему массы доверили ее судьбу политической партии и Власти, повторив таким образом основную ошибку предшествующих революций. В тех условиях было *объективно* неизбежным подобное *начало* событий. Но не последствия.

Поясню.

Подлинная революция не может идти вперед, развиваться, достигнуть своих целей без свободы революционной дискуссии о путях ее развития. Эта свобода необходима революции как воздух[6]. Вот почему, в числе прочего, однопартийная диктатура, неизбежно ведущая к подавлению всякой свободы слова, печати, организации и действия — даже для революционных течений, за исключением партии власти, — смертельна для подлинной Революции. Никто в обществе не может обладать абсолютной истиной, быть застрахованным от ошибок. Те же, кто утверждает обратное — будь они «социалистами», «коммунистами», «анархистами» или кем-либо еще — и кто, став у власти, подавляет, в силу этой своей претензии, другие идеи, неизбежно приходит к установлению своего рода социальной инквизиции, которая, как и всякая инквизиция, удушает свободу, справедливость, прогресс, жизнь, человека, само дыхание Революции. Только свободный обмен революционными идеями, многообразие коллективного мышления, подчиняющееся закону естественного отбора, могут помочь нам избежать ошибок и не сбиться с пути. Те, кто не признает этого, — просто дурные индивидуалисты, как бы они себя ни называли: «социалистами», «коллективистами», «коммунистами» и т. п. В наши дни эти истины столь ясны, естественны — скажу даже, очевидны — что нет смысла даже обосновывать их. Чтобы не знать их, нужно быть глухим, слепым — или неискренним. И тем не менее Ленин и его соратники, люди бесспорно искренние, отреклись от них. Человеку свойственно ошибаться! А те, кто слепо следовал за «вождями», слишком поздно поняли свою ошибку: инквизиция работала вовсю, у нее был свой «аппарат» и средства принуждения; массы по привычке «подчинялись» или же не могли изменить ситуацию. Революция была опорочена, сошла с истинного пути. «Сцены бывают таковы, что после многократных испытаний я говорю, что я когда-нибудь после одного из наших заседаний утоплюсь», — признался однажды Ленин своим товарищам, видя, что происходит вокруг. Понял ли он?

Если бы, придя к власти, партия большевиков даже не поощрила (это значило бы слишком многого от нее требовать), но хотя бы допустила свободу либертарной пропаганды и движения, отставание было бы вскоре преодолено и упущенное восполнено. Факты, как мы увидим, неопровержимо подтверждают это. Одна только длительная и напряженная борьба, которую большевикам пришлось вести против анархизма, несмотря на всю его слабость, позволяет понять, какого успеха добился бы последний, имея свободу слова и деятельности.

Но именно из-за первых успехов либертарного движения, а также потому, что свободная деятельность анархистов показала бы бесполезность (по меньшей мере!) всякой политической партии и Власти и неизбежно привела бы к их исчезновению, большевистское правительство не могло допустить этой свободы. Допущение анархистской пропаганды означало для него самоубийство. Оно сделало все возможное, чтобы сначала воспрепятствовать, затем запретить, а в итоге подавить грубой силой всякое проявление либертарных идей.

Часто можно слышать утверждение, будто *трудящиеся массы не способны самостоятельно и свободно совершить революцию*. Это утверждение особенно дорого «коммунистам», ибо позволяет им ссылаться на «объективную» ситуацию, неизбежно ведущую к репрессиям

против «гибельных анархических утопий». (С неспособностью масс, говорят они, «анархическая революция» означала бы гибель Революции.) Но это утверждение абсолютно ничего не стоит. Пусть *докажут* эту так называемую неспособность масс! В истории не найти ни одного примера, *когда трудящимся массам предоставили бы свободу действия* (помогая им, естественно), чтобы явилось бы единственным средством *доказать* их неспособность. По понятным причинам, подобного опыта никогда не допустят. (А это было бы нетрудно.) Ибо прекрасно знают, что утверждение ложно и что опыт этот положит конец не только эксплуатации народа, но и власти, основанных, какие бы формы они ни принимали, не на неспособности масс, а лишь на силе и хитрости. И именно поэтому рано или поздно трудящиеся массы самым ходом истории вынуждены будут *отвоевать* себе свободу деятельности в *подлинной* Революции; поскольку *никогда* правители (а они всегда являются эксплуататорами или служат последним), какими бы ярлыками они ни прикрывались, ее не «предоставят».

Тот факт, что народ до настоящего времени доверяет свою судьбу партиям, правительствам и «вождям» — факт, который правители и эксплуататоры используют для *подчинения* масс — объясняется рядом причин, которые мы не можем здесь разбирать и которые не имеют ничего общего со способностью или неспособностью масс. Этот факт доказывает, если угодно, легковёрность, доверчивость масс, *непонимание* ими своей силы, но вовсе не их неспособность, то есть бессилие. «Неспособность масс»! Какая находка для всех прошлых, настоящих и будущих правителей и особенно для современных кандидатов в рабовладельцы, как бы они ни назывались: «нацисты» или «большевики», «фашисты» или «коммунисты». «Неспособность масс»! Вот в чем реакционеры всех мастей полностью согласны с «коммунистами». Это согласие это весьма показательно.

Пусть же современные кандидаты в вожди, единственные безгрешные и «способные», позволят трудящимся массам после грядущей Революции действовать свободно, лишь помогая им там, где необходимо! Они увидят, так ли уж массы «неспособны» действовать без политических наставников. Можем заверить их, что тогда Революция приведет к иным результатам, чем в 1917 году, который открыл путь «фашизму» и перманентной войне!

Увы, нам заранее известно: они никогда не осмелятся провести подобный опыт. И массам снова предстоит выполнить свою особую задачу: сознательно и в подходящее время уничтожить всех «кандидатов во власть», чтобы взять дело в свои руки и действовать независимо. Будем надеяться, что на сей раз задача будет выполнена до конца.

Таким образом, читателю становится ясно, почему пропаганда анархических идей, стремящаяся положить конец доверчивости масс и вдохнуть в них сознание собственной силы и веру в себя, повсюду и во все времена вызывала опасения. Ее запрещали, а пропагандистов преследовали с исключительной оперативностью и суровостью все реакционные правительства.

В России ожесточенные репрессии сделали распространение либертарных идей — и без того непростое в той ситуации — практически невозможным еще накануне Революции. Конечно, последняя предоставила анархистам определенную свободу действий. Но, как мы видели, при «временных» правительствах (с февраля по октябрь 1917 года) их движение не могло в

полной мере воспользоваться этой свободой. Что касается большевиков, они не стали исключением из общего правила. Едва придя к власти, они задумали *подавить* либертарное движение всеми имевшимися в их распоряжении средствами. Кампании в печати и на митингах, клевета, разного рода козни, запреты, обыски, аресты, акты насилия, разграбления штаб-квартир, убийства — все шло в ход. А почувствовав, что власть их достаточно упрочилась, они перешли в *генеральное и решающее* наступление против анархистов. Репрессии начались *в апреле 1918 года* и не прекращаются до наших дней. (Далее читатели увидят эти «подвиги» большевиков, почти неизвестные за пределами России.)

Таким образом, анархисты пользовались относительной свободой лишь в течение какого-нибудь *полугода*. Нет ничего удивительного в том, что у либертарного движения не оказалось достаточно времени на организацию, развитие, избавление от слабостей и недостатков. По большому счету, ему не хватило времени на то, чтобы о нем узнали массы. До самого конца оно оставалось «под колпаком» и было задушено в зародыше, не успев выйти из изоляции (что объективно являлось возможным).

Такова была вторая основная причина его поражения.

Здесь следует подчеркнуть *основополагающее значение* — для Революции — того, о чем мы говорили выше.

Большевики уничтожили анархизм сознательно. И поспешно. Используя сложившуюся ситуацию, свои преимущества и влияние в массах, они жестоко подавили либертарную идею и движения. Они не допустили не только распространения анархизма в массах, но и самого его *существования*. Позднее, когда потребовалось, они имели наглость утверждать, что анархизм потерпел «идейное» поражение, что «массы поняли и отвергли его антипролетарскую доктрину». За границей все те, кто пожелал быть обманутыми, поверили им на слово. Также «коммунисты» утверждают, что раз анархисты, выступив против большевиков, «объективно» не имели никаких шансов повести Революцию за собой, они подвергали ее опасности и являлись, опять же «объективно», контрреволюционерами, следовательно, их необходимо было беспощадно подавить. (При этом не уточняя, что именно они сами «субъективно» лишили анархистов — *и массы* — последних шансов, реальных средств и конкретных объективных возможностей добиться успеха.)

Подавив либертарную идею и ее сторонников, *уничтожив независимые массовые движения*, большевики, *ipso facto*, остановили и удушили Революцию.

Не имея возможности достичь подлинного освобождения трудящихся масс, подменив его господством государства, неизбежно бюрократического и эксплуататорского, *подлинная* Революция должна была отступить. *Ибо всякая незавершенная революция* — то есть не добившаяся подлинного и всеобщего освобождения Труда — в той или иной форме *обречена на отступление*. Этому учит История. Это подтверждает русская революция. Но люди, не желающие ничего видеть и слышать, не спешат понять это: одни верят в авторитарную революцию; другие в итоге разочаровываются в революции вообще вместо того, чтобы искать причины ее краха; третьи — к сожалению, наиболее многочисленные, — и дальше *не*

желают ничего видеть и слышать: они воображают, что смогут «жить своей жизнью», невзирая на огромные социальные потрясения; они перестают интересоваться общественной жизнью и пытаются замкнуться в своем узком мирке, не понимая, что своим поведением возводят огромные препятствия на пути прогресса человечества и собственного подлинного счастья. Они верят и следуют за кем угодно, лишь бы «их оставили в покое». Таким образом они надеются спастись в катаклизме: вот основная и фатальная ошибка! Истина, тем не менее, проста: пока труд человека не будет освобожден от любой эксплуатации, ни о какой настоящей жизни, прогрессе, личном счастье не может идти речь.

Тысячелетиями свободному труду, «братству» и счастью людей мешали три основные причины: 1) уровень *технического развития* (человек не располагал теми возможностями, которые есть у него в настоящее время); 2) вытекавшее из этого положение в *экономике* (нехватка продуктов человеческого труда и, как следствие, «меновое» хозяйство[7], деньги, прибыль, короче, капиталистическая система производства и распределения, основанная на недостатке производимых продуктов); 3) *нравственный* фактор, обусловленный, в свою очередь, двумя предшествующими (невежество, отупение, подчинение и покорность масс людей). Но несколько десятков лет назад два первые условия подверглись кардинальным изменениям: технически и экономически свободный труд в настоящее время не только возможен, но и *необходим* для нормальной жизни и развития человечества; капиталистическая и авторитарная система не может больше обеспечивать ни того, ни другого; она способна породить лишь войны. Отстает лишь нравственный фактор: привыкнув за тысячелетия к покорности и подчинению, огромное большинство людей пока не видит открывающегося перед ним пути истины; оно не готово к действиям, которых требует от него История. Как и прежде, люди «следуют за руководством» и «терпят», растрачивая силы в войнах и безумных разрушениях, не понимая, что в нынешних условиях их свободная творческая активность может увенчаться успехом. Потребуется, чтобы *сила вещей* — войны, всякого рода бедствия, цепь прерванных революций, непрерывные потрясения — лишив их всякой возможности жить, открыла им наконец глаза на истину и они все силы посвятили бы подлинному делу человечества: свободному, творческому и благодетельному.

Добавим, что в нашу эпоху Революция и Реакция по своему характеру неизбежно будут мировыми. (Впрочем, уже в 1789 году Революция и последовавшая за ней Реакция вызвали к жизни массовые движения во многих странах.) Если бы русская Революция не остановилась на полпути и стала великой освободительной Революцией, за ней вскоре последовали бы и другие страны. В таком случае она реально, а не только на словах, стала бы мощным факелом, освещающим Человечеству истинный путь. Извращенная, остановленная и повернутая вспять, она, напротив, сослужила прекрасную службу всемирной реакции, которая только и ждала своего часа. (Вожаки реакции гораздо проницательнее революционеров.) Иллюзия, миф, лозунги, бумажный хлам остались, но *подлинная жизнь*, для которой иллюзии, показуха и бумажки ничего не значат, пошла по иному пути. Отныне Реакция и все ее последствия: «фашизм», новые войны, экономические и социальные катастрофы, — стали практически неизбежными.

В этом смысле весьма любопытна и показательна фундаментальная — и хорошо известная — ошибка Ленина. Как известно, Ленин ожидал быстрой экспансии «коммунистической»

революции на другие страны. Его надежды не оправдались. И однако *по сути* он был прав: *подлинная* Революция «раздует мировой пожар». Дело лишь в том, что «его» революция не была *подлинной*. А этого он не понимал. Вот в чем заключалась его ошибка. Ослепленный своей государственнической доктриной, ободренный одержанной «победой», он не сумел понять, что революция не удалась, сбилась с пути; что она останется бесплодной, не сможет ничего «разжечь», ибо ее собственный огонь угас; что она потеряет свою притягательную силу, свойственную великим делам, так как перестанет быть великим делом. Мог ли он в своем ослеплении предвидеть, что Революция остановится, отступит, переродится, вызовет в других странах победоносную реакцию после нескольких всплесков без будущего? Конечно, нет! И он совершил вторую ошибку: поверил, что дальнейшая судьба русской Революции зависит от того, распространится ли она на другие страны. Верно было как раз обратное: распространение Революции на другие страны зависело от ее результатов в России. Они же были неопределенны, неясны, зарубежные трудящиеся массы колебались, выжидали, беспокоились. Но поступающие к ним сведения становились все более расплывчатыми и противоречивыми. Попытки разобраться и даже отправка делегаций ничего не давали. Тем временем накапливались негативные свидетельства. Народы Европы выжидали, теряли веру, разочаровывались. Им недоставало подъема для того, чтобы взяться за дело, исход которого отнюдь не был предрешен. Затем начались разногласия и расколы. Все это как нельзя лучше сыграло на руку Реакции. Она подготовилась, организовалась и приступила к действиям.

Последователи Ленина должны были отдавать себе в этом отчет. Не понимая, быть может, подлинной причины произошедшего, они интуитивно осознали, что ситуация предрасполагала не к *экспансии* «коммунистической» Революции, а напротив, к мощному подъему *реакции*. Они поняли, какую опасность представляет для них эта реакция, поскольку их Революция, такая, какой они ее сделали, не могла охватить весь мир. И лихорадочно принялись готовиться к будущим войнам, отныне ставшим неизбежными. Впрочем, ничего иного им не оставалось. И Истории тоже!..

Интересно заметить, что затем «коммунисты» попытались объяснить незавершенность и отступление Революции, ссылаясь на «враждебное окружение», бездеятельность мирового пролетариата и силу всемирной реакции. Они не сомневались — или не признавали — что нерешительность трудящихся других стран и реакция были в значительной степени обусловлены неправильным путем, на который они *сами* толкнули Революцию; что, извратив ее, они *сами* проложили путь реакции, «фашизму» и войне[8].

Такова трагическая правда большевистской Революции. Таково ее *капитальное значение* для «трудящихся всех стран». По сути все очень просто, ясно, бесспорно. Однако до сих пор об этом даже не говорилось. Для понимания произошедшего необходимо дальнейшее исследование событий русской Революции. Читатель поймет это, когда до конца прочитает мою книгу.

6. Отметим также фактор не столь большой значимости, который, тем не менее, сыграл определенную роль в трагедии. Речь идет о «шумихе», «рекламе», демагогии. Как и все политические партии, большевики («коммунисты») их использовали и злоупотребляли ими. Чтобы произвести впечатление на массы,

«завоевать» их, партии необходимы были «шум», «реклама», блеф. Более того, она возвела себя как бы на вершину горы, чтобы толпа могла видеть ее, слышать и восхищаться, что одно время составляло ее силу. Но все это глубоко чуждо либертарному движению, которое по сути своей более безлико, скромно, немногословно. В этом его временная слабость. Отказываясь *вести за собой* массы, стремясь пробудить их сознательность и рассчитывая на их свободное и прямое действие, оно вынуждено отказаться от демагогии, работать в тени, не навязывая себя в качестве лидера.

Так было и в России.

Позвольте мне на время оставить область конкретных фактов и предпринять краткий экскурс в «философскую» сферу, в суть проблемы.

Основная идея анархизма проста: никакая партия, политическая или идеологическая группа, ставящая себя над трудящимися массами или вне их и стремящаяся «управлять» или «вести» их, никогда не сможет *освободить* их, даже если искренне желает этого. *Реальное* освобождение может произойти лишь в процессе *непосредственной, широкомасштабной и независимой деятельности самих трудящихся*, объединившихся не под знаменами политической партии или идеологической группы, а в свои собственные *классовые организации* (производственные профсоюзы, заводские комитеты, кооперативы и т. п.) на основе конкретных действий и *самоуправления*, при помощи, но не под руководством революционеров, которые действуют не *извне*, а в *самых* массовых профессиональных, технических, оборонительных и других органах. Всякая политическая или идеологическая группа, стремящаяся «вести» массы к освобождению политическим или правительственным путем, заблуждается, обречена на провал и неизбежно установит в итоге новую систему экономических и социальных привилегий, возродив в иных формах режим угнетения и эксплуатации трудящихся, то есть очередную *разновидность капитализма*, — вместо того, чтобы помочь Революции направить их по пути освобождения.

Из этого неизбежно вытекает следующее: анархическая идея и подлинная освободительная Революция могут быть осуществлены не *одними анархистами*, а лишь широкими массами; анархисты или, скорее, революционеры вообще призваны исключительно просвещать их и в отдельных случаях оказывать помощь. Если анархисты утверждают, что могут совершить Социальную Революцию, «ведя» за собой массы, подобная претензия безосновательна, по тем же причинам, что и у большевиков.

Это не все. Ввиду *универсального* характера задачи, рабочий класс *сам по себе* тем более не может довести до конца освободительную Социальную Революцию. Если бы он захотел действовать самостоятельно, установив над другими слоями населения диктатуру и силой ведя их за собой, он точно также потерпел бы поражение. Нужно ничего не понимать в социальных явлениях и человеческой природе, чтобы утверждать обратное.

Когда приближается борьба за *подлинное освобождение*, История сворачивает на иной путь.

Согласно идеям анархистов, для успешного *завершения* революции необходимы три основные условия:

1. нужно, чтобы широкие массы — миллионы трудящихся в разных странах — сознательно приняли в ней участие;
2. чтобы наиболее передовые и активные элементы — революционеры, часть рабочего класса и др. — не прибегали к мерам принуждения политического характера;
3. чтобы, по вышеизложенным причинам, широкие «нейтральные» массы, увлеченные (без принуждения) мощным потоком, свободным порывом миллионов людей и первыми положительными результатами этого колоссального движения, приняли подлинную Революцию как свершившийся факт и постепенно перешли на ее сторону.

Таким образом, осуществление подлинной освободительной Революции требует активного участия, тесного, сознательного и безоговорочного сотрудничества миллионов людей различного социального положения, деклассированных, лишенных работы, обезличенных, которых сила вещей подтолкнет к Революции.

Но чтобы вовлечь в нее эти миллионы людей, необходимо прежде всего, чтобы сила эта выбила их из наезженной колеи повседневного существования. А для этого их существование, то есть само нынешнее общество, должно стать невыносимым: *пусть разрушится оно до основания, со своей экономикой, социальным порядком, политикой, нравами, обычаями и предрассудками.*

Таков путь, на который вступает История, когда настает время для *подлинной* Революции, *подлинного* освобождения.

Здесь мы подходим к сути проблемы.

Я считаю, что в России это разрушение зашло недостаточно далеко. То есть не была уничтожена политическая идея, что позволило большевикам захватить власть, установить и упрочить свою диктатуру. Сохранились и другие принципы и предрассудки.

Разрушений, предшествовавших Революции 1917 года, оказалось достаточно, чтобы остановить войну и изменить *формы* власти и капитализма. Но *сущность* их не была затронута, что вынудило бы миллионы людей отказаться от *всех* современных ложных социальных принципов (Государства, Политики, Власти, Правительства и т. д.), действовать самостоятельно на абсолютно новых основах и навсегда покончить с капитализмом и Властью *в любых формах.*

Эта недостаточность разрушений была, на мой взгляд, основной причиной приостановки русской Революции и ее деформации большевиками[9].

И здесь возникает «философский» вопрос.

Кажется весьма обоснованным рассуждение:

«Если недостаточность предварительных разрушений действительно мешает массам осуществить *свою* Революцию, этот фактор на самом деле является доминирующим и все объясняет. В таком случае, не правы ли были большевики, захватившие власть и ведущие Революцию как можно дальше, преграждая, таким образом, путь Реакции? Разве их действия не являются исторически оправданными со всеми вытекающими последствиями?»

На это я отвечаю:

1. Прежде всего, следует правильно поставить проблему. Были ли трудящиеся массы по существу *способны* продолжать Революцию и строить новое общество *самостоятельно*, посредством своих классовых организаций, созданных Революцией, и с помощью революционеров?

Вот в чем подлинная проблема.

Если *нет*, то можно понять тех, кто оправдывает большевиков[10] (не утверждая, во всяком случае, что сделанная ими революция была подлинной и не оправдывая их подхода там, где массы могли бы действовать самостоятельно). Если *да*, их следует осудить однозначно и «без смягчающих обстоятельств», каковы бы ни были ситуация и временные заблуждения масс.

Говоря о недостаточности разрушений, мы понимаем под этим, главным образом, пагубное сохранение *политической идеи*. Не отвергнув ее заранее, массы, победившие в феврале 1917 года, доверили, как следствие, судьбу Революции и *партии*, то есть новым хозяевам, вместо того, чтобы избавиться ото всех претендентов на власть и взять Революцию целиком в свои руки. Таким образом, они повторили основную ошибку предшествующих революций. Но это заблуждение не имеет никакого отношения к *способности или неспособности масс*. Предположим, что подобной ошибкой никто не воспользуется. Смогут ли в таком случае массы привести Революцию к ее конечной цели: реальному, полному освобождению? На это я решительно отвечаю — *да*. Я утверждаю даже, что *только* сами трудящиеся массы *способны* сделать это. Надеюсь, что в моей книге читатель найдет тому неопровержимые доказательства. И в таком случае нет необходимости в политике, *чтобы воспрепятствовать реакции, продолжить Революцию и завершить ее*.

2. Как мы далее увидим, наш вывод подкрепляется фактом первостепенной важности. В ходе Революции достаточно широкие *массы осознали свою ошибку*. (Политический принцип начинал терять свое значение.) Они захотели исправить ее, действовать самостоятельно, избавиться от требовательной и ненужной опеки правящей партии. То здесь, то там они брали дело в свои руки. Вместо того, чтобы обрадоваться этому, подбодрить их и помочь им, как поступили бы подлинные революционеры, большевики воспротивились народному движению с беспрецедентной хитростью, силой, военными и террористическими операциями. Таким образом, *революционные массы, осознав свою ошибку, захотели действовать самостоятельно и ощутили себя способными на это. Большевики силой подавили их стремления*.

3. Из этого следует, что большевики вовсе не «вели Революцию как можно дальше»: захватив власть, используя ее силы и преимущества, они, напротив, *затормозили* ее. А затем, укрепив свое положение, после ожесточенной борьбы против народной и всеобщей Революции, они успешно повернули ситуацию в свою пользу и возобновили, в иных формах, капиталистическую эксплуатацию масс. (Если труд не освобожден, система обязательно является капиталистической. Меняется только *форма* ее.)
4. Таким образом, становится ясно, что речь идет не об *оправдании*, а об историческом *объяснении* торжества большевизма над либертарной концепцией в русской Революции 1917 года.
5. Из этого следует, что подлинное «историческое значение» большевизма исключительно негативное; еще один наглядный урок, показавший трудящимся массам, *как не надо делать революцию*: урок, выносящий окончательный приговор политической идее. В условиях того времени такой исход был практически неизбежен, но *ничуть не необходим*. Действуя иначе (что теоретически можно допустить), большевики смогли бы избежать его. Так что им нечем гордиться и изображать из себя спасителей революции.
6. Этот урок подчеркивает значение двух важных моментов:

а) *Историческое развитие человечества* достигло того уровня, когда дальнейший прогресс предполагает наличие свободного труда, лишенного всякого принуждения, подчинения, эксплуатации человека человеком. Экономически, технически, социально, даже нравственно такой труд отныне не только возможен, но и исторически необходим. «Рычагом» этой колоссальной социальной трансформации (трагические конвульсии которой мы наблюдаем на протяжении десятков лет) является *Революция*. Чтобы быть действительно прогрессивной и «оправданной», эта Революция должна завершиться установлением системы, при которой человеческий труд будет *реально и полностью освобожден*.

б) Чтобы трудящиеся массы смогли перейти от рабского труда к свободному, они должны с самого начала Революции осуществлять ее самостоятельно, свободно и независимо. Только при этом условии они возьмут непосредственно в свои руки решение проблемы, которую ставит перед ними История: строительство общественного устройства, в основе которого лежит освобожденный труд.

В заключение следует сказать, что в наше время любая революция, не осуществляемая самими народными массами, не достигнет исторически должного результата. Она не будет ни прогрессивной, ни «оправданной», отклонится с верного пути и в итоге потерпит поражение. Под руководством новых хозяев и наставников, лишенные ими возможности всякой свободной инициативы и деятельности, вынужденные, как в прошлом, безропотно следовать за тем или иным «вождем», сумевшим завоевать над ними господство, трудящиеся массы вернутся к своей вековой привычке к «покорности» и останутся подневольным и эксплуатируемым «аморфным стадом». Подлинная Революция просто не произойдет.

7. Мне могут сказать следующее:

«Предположим, что вы кое в чем правы. Но раз, как вы утверждаете, предварительные разрушения оказались недостаточными для подлинной Революции в либертарном понимании, она *объективно* была *невозможна*. Значит все последующее являлось, по меньшей мере, исторически *неизбежным*, и анархическая идея осталась утопической мечтой. Ее утопизм погубил бы Революцию. Большевики поняли это и действовали соответствующим образом. Это их оправдывает».

Читатель мог заметить, что я всегда говорю: «*почти неизбежно*». Слово «почти» используется мной умышленно. Здесь оно имеет определенное значение.

Естественно, общие и объективные факторы в принципе доминируют над остальными. В нашем случае недостаточность предварительных разрушений — сохранение политического принципа — объективно должна была привести к большевизму. Но в мире людей проблема «факторов» становится весьма деликатной. *Объективные* факторы доминируют не абсолютно, а в некоторой степени, значительную роль играют и факторы *субъективные*. Каковы же эта роль и степень? Мы не знаем, зачаточное состояние наук о человеке не позволяет нам определить ее с достаточной степенью точности. Задача тем более трудна, что ни та, ни другая не заданы раз и навсегда, напротив, они бесконечно изменчивы и разнообразны. (Эта проблема близка к проблеме «свободного выбора». Как и в какой степени «предопределение» доминирует над «свободным выбором» человека? И обратное: в каком смысле и каким образом «свободный выбор» имеет место и выходит за рамки «предопределения»? Несмотря на изыскания многих мыслителей, нам это пока неизвестно.)

Но нам прекрасно известно, что *субъективные* факторы занимают в жизни людей значительное место: такое, что порой они важнее кажущегося «неизбежным» действия объективных факторов, особенно когда определенным образом связаны между собой.

Приведем недавний, поразительный и всем известный пример.

В войне 1914 года Германия *объективно* должна была победить Францию. Действительно, уже через месяц после начала военных действий немецкая армия стояла под стенами Парижа. Французы проигрывали одно сражение за другим. Франция «почти» неизбежно должна была потерпеть поражение. (Если бы так и произошло, можно было бы «с ученым видом» заявлять, что оно являлось «исторически и объективно необходимым».) Тогда в дело вмешался ряд *чисто субъективных* факторов. Они наложились один на другой и преодолели действие факторов объективных.

Уверенный в огромном превосходстве своих сил и увлеченный победоносным движением вперед, генерал фон Клук, командовавший немецкими войсками, пренебрег тем, что правый фланг его армии оказался существенно оголен: первый чисто субъективный фактор. (Другой генерал — или тот же фон Клук в иное время — лучше обеспечил бы положение своих войск.)

Генерал Гальени, военный комендант Парижа, заметил ошибку фон Клука и предложил генералиссимусу Жоффру атаковать этот фланг всеми имевшимися в распоряжении силами, в частности, частями парижского гарнизона: еще один субъективный фактор, ибо надо было

обладать проницательностью и умом Гальени, чтобы принять такое ответственное решение. (Другой генерал — или тот же Гальени в иное время — мог оказаться не столь проницательным и решительным.)

Генералиссимус Жоффр одобрил план Гальени и отдал приказ к атаке: третий субъективный фактор, ибо надо было обладать простотой и другими качествами Жоффра, чтобы принять такое предложение. (Другой генералиссимус, более высокомерный и заботящийся о своих прерогативах, мог бы ответить Гальени: «Вы комендант Парижа, занимайтесь своим делом и не вмешивайтесь в то, что вас не касается».)

Наконец, тот странный факт, что переговоры между Гальени и Жоффром остались неизвестными немецкому командованию, обычно хорошо информированному о том, что происходит в стане противника, также наложился на прочие субъективные факторы, которые в своей совокупности принесли французам победу и определили исход войны.

Прекрасно понимая *объективную* невозможность этой победы, французы называли ее «чудом на Марне». Разумеется, она не являлась чудом. Это было лишь редким, непредвиденным и «почти невероятным» следствием совпадения ряда факторов субъективного порядка, взявших верх над факторами объективными.

В том же смысле я говорил в 1917 году своим российским товарищам: «Необходимо «чудо», чтобы в этой Революции либертарная идея взяла верх над большевизмом. Мы должны верить в это чудо и делать все, чтобы оно произошло». Тем самым я хотел сказать, что непредвиденное и почти невероятное совпадение субъективных факторов могло перевесить сильные объективные шансы большевизма. Такого «совпадения» не произошло. Но важно, что оно *могло* произойти. Впрочем, вспомним, что *такая возможность предоставлялась*, по меньшей мере, дважды: во время Кронштадтского восстания в марте 1921 года и в жестокой борьбе между новой Властью и анархическими массами на Украине (1919–1921 гг.).

Так что в мире людей «абсолютной объективной неизбежности» не существует. Чисто человеческие, субъективные факторы могут вмешаться и одержать верх в любой момент.

Анархическая концепция, не менее солидная и «научная», чем большевистская (последнюю противники еще накануне Революции также называли «утопической»), *существует*. В ходе грядущей Революции ее судьба будет зависеть от очень сложной совокупности разного рода факторов, объективных и субъективных, причем последние будут бесконечно разнообразны, изменчивы, непредвиденны и непредсказуемы: и результат их совокупности никогда не является «объективно неизбежным».

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть, что недостаточность разрушений явилась основной причиной торжества большевизма над анархизмом в русской Революции 1917 года. *Поскольку совокупность прочих факторов не смогла преодолеть ни само явление, ни его результаты*. Но могло быть и иначе. (Впрочем, кому известно, какой вклад внесли субъективные факторы в победу большевизма?)

Разумеется, *предварительная* дискредитация гибельной политической химеры авторитарного «коммунизма» обеспечила, облегчила и ускорила бы реализацию либертарных принципов. Но в целом *недостаточность этой дискредитации в начале Революции* вовсе не означала неизбежного поражения анархизма.

Сложная совокупность различных факторов может привести к непредвиденным результатам. Она способна изменить и причину, и следствие. *Политическая и властная идея, государственническая концепция могут быть уничтожены в ходе Революции, и это предоставит полную свободу для осуществления анархической концепции.*

Как и перед всякой другой Революцией, перед Революцией 1917 года открывались два пути:

1. Путь *подлинной Революции народных масс*, ведущий к их полному освобождению. В этом случае мощный подъем и *окончательный* результат такой Революции действительно «потрясли бы мир». По всей вероятности, реакция отныне стала бы невозможной; все разногласия в социальном движении были бы заранее сведены на нет в силу свершившегося факта; наконец, волнения в Европе, последовавшие за русской Революцией, по-видимому, закончились бы тем же самым.
2. Путь *незавершенной* Революции. В этом случае возможен только один вариант: откат вплоть до всемирной реакции, мировая катастрофа (война), полное разрушение форм нынешнего общества и, в результате, возобновление Революции самими массами, борющимися за подлинное освобождение.

В принципе, возможны оба пути. Но совокупность существующих факторов делает второй более вероятным.

По *второму* пути пошла Революция 1917 года.

Первый должна избрать грядущая Революция.

А теперь, закрыв наши «философские» скобки, возвратимся к событиям.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 апреля 2025 20:11:14

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 апреля 2025 20:12:12